

О. Ю. Никонова

СТАЛИНСКИЙ ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПАТРИОТИЗМ И ЕГО ГРУППОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

O. U. Nikonov

STALIN OFFICIAL PATRIOTISM AND ITS PARTY INTERPRETATIONS

Данная статья посвящена анализу групповых интерпретаций официального советского патриотизма и формам проявления патриотического этоса у двух групп советского населения — представителей старшего поколения, принимавших участие в Первой мировой и гражданской войнах, и советской молодежи.

Ключевые слова: советский патриотизм, мобилизационные практики, групповой опыт, патриотический этос, сталинизм.

The article analyzes the interpretations of the official group of Soviet patriotism and patriotic ethos forms of manifestation of the two groups of the Soviet population — the older generation who took part in the First World War and the Civil War and the Soviet youth.

Keywords: Soviet patriotism, the mobilization of practice, the group experience, a patriotic ethos Stalinism.

К постановке проблемы

Работы, напрямую затрагивающие проблему советского патриотизма в сталинскую эпоху, и труды, посвященные «сталинскому субъекту»¹, позволяют переосмыслить устоявшиеся представления о советском патриотизме как о государственной идеологии. В данной статье под советским патриотизмом подразумевается не только официальный, государственный патриотизм, но и тот комплекс индивидуальных интерпретаций, который возникал в процессе «присвоения» сталинским субъектом официального патриотического дискурса. На трактовку советского патриотизма определенное влияние оказали идеи немецкого социолога Петера Фукса, рассматривающего патриотизм как коммуникативную практику, ориентированную на достижение единства общества². Подход, предложенный Фуком, позволяет предположить, что официальный советский патриотизм формировался не только «сверху-вниз», но и «снизу-вверх», то есть с учетом ожиданий и опыта различных групп советского населения. Таким образом, уже в официальном патриотизме можно выделить пласты и символы, означенные властью и предложенные ей обществу и индивидууму, и семантические комплексы, характеризующие привязанности субъекта, формы и пути интернализации им официальной символики.

Одним из важнейших институтов патриотической мобилизации в сталинском СССР была военно-патриотическая организация Осоавиахим, созданная в 1927 г. как преемник нескольких организаций парамилитаристского профиля. Наряду с патриотическим воспитанием Осоавиахиму была поручена задача обучения гражданского населения военным навыкам. А в 1930-е гг. одной из его главных задач стала подготовка резервов для Красной Армии и современных видов войск — авиации, ар-

тиллерии, десантных и танковых войск. Документы, отложившиеся в фондах Осоавиахима, отражают, главным образом, официальные взгляды на проблему патриотизма, патриотического воспитания и военной подготовки населения. Вместе с тем, в них сохранились материалы, позволяющие пролить свет на особенности индивидуальных интерпретаций и способы «присвоения» официальных образов: отклики населения на патриотические кампании сталинского режима, комплекс документов, связанный с набором учащихся в военные и авиационные школы, отчеты органов политического контроля и др.

Основное внимание при анализе интерпретаций официального патриотизма сфокусировано на двух группах советского населения — представителях военного поколения, участвовавших в Первой мировой и гражданской войнах, и советской молодежи, не имевшей опыта войн.

Поколение военных ветеранов

В фондах уральских и башкирской организаций Осоавиахима были обнаружены несколько комплексов документов, связанных с реакцией советских граждан на различные мобилизационные кампании сталинского режима. Поводом для одной из них послужили события на советско-китайской границе в 1929 г.³ Большинство текстов (писем, обращений, резолюций собраний, стенограмм выступлений) демонстрирует стандартную структуру. Они изобилуют стереотипами, заимствованными из материалов прессы и выступлений политдокладчиков. Универсальными для этих документов являются убежденность в неизбежности военного столкновения, биполярное восприятие мира (дихотомия «свой-чужой»), а также такие элементы патриотического этоса как добровольность и жертвенность. Подавляющее большинство из них содержит своеобразный код

патриотического поведения: корреспонденты объявляют себя «мобилизованными», просят зачислить их в Красную Армию (иногда — конкретно в Дальневосточную и «к товарищу Блюхеру») и выражают готовность «в любой момент выступить с оружием в руках» на защиту СССР. В письмах присутствует стандартный для 1920-х — начала 30-х гг. набор внешнеполитических противников — Китай, белая эмиграция, Англия, Франция⁴. Чем же отличался отклик на мобилизационную кампанию представителей старшего поколения от реакции молодежи?

Для ветеранов Красной Армии (бывших красногвардейцев и добровольцев — так называемых «красных партизан») базовую роль в создании групповой системы релевантностей, в том числе патриотического этоса, играли воспоминания о гражданской войне. Эпоха гражданской войны была для них временем, связанным не только с тяжелой фронтовой повседневностью, но и с молодостью, чувством востребованности и высокой самооценкой⁵. С конца 1920-х гг., когда сталинский режим стал уделять повышенное внимание культуре гражданской войны, факт участия в войне стал важным элементом репрезентации «красных партизан» вовне, «козырем» в их «борьбе» за привилегии и социальный статус. Поэтому для реакции представителей старшего поколения типична прямая или скрытая отсылка к опыту гражданской войны⁶. Участие в гражданской войне и приобретенный в ней опыт выступали в письмах, обращениях и выступлениях ветеранов в качестве своеобразного «символического капитала», контекста для оценки текущей ситуации. Гражданская война была главной риторической фигурой при демонстрации патриотизма поколения участников гражданской войны. Одновременно факт обладания таким «символическим капиталом» как участие в гражданской войне был основанием для формирования патриотического этоса с ярко выраженным критицизмом в отношении режима. «Красные партизаны» обвиняли советскую власть в том, что они «остались на голодные муки» и «совершенно забыты», оставляли за собой право «ругать» «свою» власть, «если она неправильно поступает», называли себя «закаленными бойцами» и требовали их «накормить», «вооружить и отправить туда, куда нужно»⁷. Таким образом, индивидуальный опыт пройденных войн (как правило, участники гражданской войны начинали свою службу еще в царской армии в годы Первой мировой войны) и лишенное романтического ореола знание о войне служили базой не только для конформистских, но и для альтернативных интерпретаций официального патриотизма.

Патриотический этос молодежи

Специфику молодежной интерпретации патриотических образов позволяют охарактеризовать документы комиссий по приему в военные учебные заведения СССР. Одновременно они демонстрируют изменения, произошедшие во властном патриотическом дискурсе во второй половине 1930-х гг. — в частности, складывание патриотического «словаря». Для «красных партизан» была характерна неумелая артикуляция патриотического этоса, основанная на риторике эпохи революции и гражданской войны. Заявления юношей и девушек, решивших избрать

военную профессию, свидетельствуют о том, что определенная часть советской молодежи 1930-х гг. уже уверенно использовала официальный патриотический «словарь». Центральное место в нем занимал образ «родины» (в отличие от «отечества», чаще использовавшегося ранее), общеупотребительными стали слова «патриот» и «патриотизм».

В текстах молодежи отсутствуют референции, связанные с гражданской войной и указывающие на какой-либо трансфер опыта войны от старшего поколения к младшему. Сталинский режим стремился воспрепятствовать передаче этого опыта, замещая его помпезной культурой памяти гражданской войны, обслуживавшей государственные нужды. В заявлениях молодых людей, написанных для комиссий по приему в военные школы, можно встретить простую вербализацию патриотических чувств («я желаю всю свою жизнь посвятить, а если потребуется и отдать ее за независимость нашей родины, за ее расцвет, за партию Ленина-Сталина», «Я, как комсомолец, считаю за большую честь выполнять долг защиты нашей родины, буду честно служить нашему трудовому народу»), а также аргументацию, которую условно можно было бы назвать «кодексом любви к технике и армии» («Мне лично хочется учиться в военной школе и я иду с большим желанием, так как это большая честь для меня и радость. Но мне больше хочется в летнюю школу, т.к. у меня с малых лет желание — быть летчиком»: «Прошу принять меня в число курсантов военно-морского училища, т.к. я желаю получить военную специальность и служить в частях Красной армии. Быть лейтенантом флота, это моя давнишняя заветная мечта»)⁸. Несомненно, заявления конкурсантов выражают целевые установки определенной группы советской молодежи. Тем не менее, случайная выборка из документов, оставленных другими категориями молодых советских граждан, опубликованные источники, а также материалы, собранные методами устной истории, подтверждают гипотезу о формировании патриотического этоса на основе популярности спорта, техники и военной профессии⁹.

Спорт, авиация, военно-патриотические организации и кадровая служба в армии выполняли специфические функции в советском социальном пространстве. Во всех современных обществах спорт и «военное дело» в его прикладных формах превращались из элитарных занятий в сферы деятельности, доступные для масс. В СССР эти области были превращены государством в инфраструктуру, приспособленную для интеграции молодого поколения в советское общество. Одновременно они были теми немногими «каналами», по которым маргиналы (в том числе юноши и девушки из «отсталой» деревни) и стигматизированные субъекты (дети «бывших», кулаков, репрессированных) могли достичь более высокого социального положения или избавиться от своей стигмы¹⁰.

Различные источники демонстрируют, что «кодекс любви к технике и армии» у молодежи был в большей степени связан с представлениями о социальном престиже и гендерными репрезентациями, нежели с социалистической идеологией. Одновременно причиной большой популярности всего

«военного» была «романтизация» армии и войны, произрастающая из отсутствия индивидуального опыта участия в военных действиях и официальной героизации гражданской войны.

Патриотизм и советская идентичность

«Моя религия такова: отдать жизнь, если это понадобится»... Как правильно интерпретировать этот патриотический «символ веры», так эмоционально сформулированный одним из советских юношей? Нужно ли рассматривать этот как пример «приспособления» и использования официального дискурса ради собственных интересов и целей или необходимо учесть возможность искренней веры и готовность принести себя в жертву ради «социалистической родины»? Документы из фондов Осоавиахим не дают однозначных ответов на этот вопрос, как впрочем, и те эго-документы, которые вызвали среди исследователей сталинизма оживленную дискуссию по поводу «сталинского субъекта». Тем не менее, изучение материалов деятельности военно-патриотической организации Осоавиахим позволяет высказать следующие предположения. Сталинские практики патриотической мобилизации отличались гибкостью и дифференцированностью подхода к различным группам советского населения. В случае старшего поколения, прошедшего Первую мировую и гражданскую войны, ключевым смыслообразом патриотической мобилизации была гражданская война. Усилия власти по интеграции «красных партизан» в официальную коммеморативную культуру сталинского режима, в которой гражданской войне была отведена роль одного из базовых мифов¹¹, увенчались успехом настолько, насколько каждому отдельно взятому ветерану удалось вернуть ощущение эпохальности гражданской войны. Для многих из провинциальных «красных партизан» гражданская война — время, когда их поколение было в возрасте наибольшего идентификационного напряжения¹² и переживало коренную смену социального и политического статуса. «Второе издание» этого события (превращение гражданской войны в «символический капитал» в послевоенный период) потянуло за собой позитивную «коррекцию» настоящего (рост социального уважения в обществе, материальные блага и проч.). Все это вместе взятое и утвердило гражданскую войну в качестве стержневого образа, вокруг которого происходило формирование патриотического этоса старшего поколения.

Для части советской молодежи важным фактором складывания патриотических установок стала повседневная жизнь при сталинизме, в которой значительную роль играли такие формы социализации и интеграции как походы, игры, праздники, включавшие в себя элементы военного обучения и патриотического воспитания. Практики патри-

отической мобилизации, основанные не только на политической индоктринации, но и на элементах игровой и развлекательной культуры, способствовали формированию позитивных эмоционально-психологических установок у части молодого поколения. Благодаря участию в Осоавиахиме и парамилитаристской деятельности закладывались основы персональных связей, формировались ценностные установки и появлялись групповые воспоминания, ложившиеся в основание групповой самоидентификации части молодежи.

Примечания

1. См. об этом: Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931—1956. — Cambridge, 2002; Yekelchik S. Stalinist Patriotism as Imperial Discourse: Reconciling the Ukrainian and Russian “Heroic Pasts,” 1939—45, in: *Kritika* 1 (2002), S. 51—81; Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. — М., 1996; Halfin I. From Darkness to Light. Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia. — Pittsburgh, 2000; Halfin I. Terror in My Soul. Communist Autobiographies on Trial. — Harvard, 2003. См. также форум журнала *Ab Imperio* «Анализ практик субъективации в раннесталинском обществе» (*Ab Imperio*. — 2002. — № 3).
2. Fuchs P. Die Erreichbarkeit der Gesellschaft. Zur Konstruktion und Imagination gesellschaftlicher Einheit. — Frankfurt/Main, 1992. — S. 150—173.
3. ГАСО. Ф. Р-2516. Оп. 1. Д. 46. Л. 2, 3, 6, 8, 9, 10, 14—18.
4. Об особенностях «образа врага» в советском обществе 1920—30-х гг. см.: Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу республику...» — М., 2008.
5. Об этих категориях см. подробнее: Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. — М., 2003.
6. ГАСО. Ф. Р-2516. Оп. 1. Д. 46. Л. 2, 3, 10.
7. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 74. Л. 39об—74.
8. Там же. Д. 341. Л. 12, 70, 126, 144; Д. 718. Л. 1, 4—6, 8, 10—14, 51, 55, 86, 97—98, 121.
9. См., например: Никонова О. Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927—1941 гг.). — М., 2010. — С. 124—137.
10. См., напр.: Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи. — С. 130—131.
11. Нарский И. В. Конструирование мифа о гражданской войне в ранней Советской России (на примере Урала в 1917—1922 гг.) // *Россия и война в XX столетии: взгляд из удаляющейся перспективы* / сост. Ю. Хмелевская. — М., 2005. — С. 79—89.
12. М. Феретти применяет этот термин для характеристики советского общества в целом. На наш взгляд, его вполне можно применить к «критическому» периоду в жизни каждого поколения, выделенному американскими социальными психологами — возрасту 12—15 лет. См.: Феретти М. Расстройство памяти: Россия и сталинизм // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. — М., 2002. — № 5. — С. 40—54.

Поступила в редакцию 25 мая 2011 г.

НИКОНОВА Ольга Юрьевна, доцент, кандидат исторических наук, факультет права и финансов, кафедра государственно-правовых дисциплин, Южно-Уральский государственный университет. E-mail: olga-nikonova@yandex.ru

NIKONOVA Olga Yurievna, Associate Professor, Ph.D., Faculty of Law and Finance, Department of State and legal disciplines, Southern Ural State University. E-mail: olga-nikonova@yandex.ru